

у бортников' (стр. 68—69), ошибочно относимого в известной книге Дзедзевского к числу общих украинско-польских инноваций.

О. Н. Трубачев

V. Š a u r.

Etymologie slovanských příbuzenských termínů.

Praha, 1975

Почти каждое новое поколение лингвистов пишет свою историю терминов родства. В. Шауру принадлежит самый новый труд на эту тему. Неоднократно обращаться к истории и этимологии обозначений родственных отношений побуждает сама древность этой группы лексики, сложность проблемы, а также естественный приток нового материала и обогащение новыми аспектами. Автор хорошо знает историю научных исследований славянских и индоевропейских терминов родства (правда, в списке использованной им литературы на эту тему мы не находим книги П. А. Лавровского «Коренное значение в названиях родства у славян», СПб., 1867).

Потребность в новой этимологической ревизии материала автор объясняет тем, что индоевропейская этимология прошлого, в частности XIX века, интерпретировала термины родства, опираясь целиком лишь на свои собственные достижения, при зачаточном еще состоянии развития исторической этнографии. Типологии общественного развития у разных народов автор справедливо уделяет большое внимание, принимая для праиндоевропейцев полигамию и сложные семейные связи кровных родственников. Можно согласиться с Шауром, что возможности приложения данных сравнительно-исторической этнографии к славянской лексике родственных отношений, очевидно, еще не исчерпаны. Вместе с тем ясно, что главным аспектом изучения терминов родства для нас был и остается лингвистический аспект. Этот аспект сейчас даже приобретает новую актуальность на фоне разросшейся антропологической литературы о «системах родства» у разных народов. Естественно при этом исследователю-лингвисту искать в своем материале не одни только подтверждения показаниям антропологии, но и автономные свидетельства, которые способен дать лексический материал, оригинально отражающий и преломляющий реальные отношения. Думаю, что и для автора этот план был в конечном счете наиболее интересным, потому что он пишет: «Наше исследование возникло при работе над Этимологическим словарем славянских языков. . .» (стр. 5). На тех же самых основаниях я в своей краткой рецензии ограничусь лишь некоторыми замечаниями этимологического и в целом лингвистического порядка в связи с выходом этой полезной работы.

Автор совершенно правильно ищет истоки формирования славянской терминологии родства в индоевропейском. Однако его собственное представление об индоевропейском периоде истории этой лексики как будто недостаточно расчлениено. Это находит выражение в некоторой непоследовательности авторских реконструкций. Давая на стр. 16—17 праиндоевропейские формы в основном развитого флективного типа **viros*, **g^henā*, **bh^hrātēr*, **snusos*, В. Шаур считает возможным поставить в одном ряду с ними явно дофлексивную реконструкцию **ǵemə* (на стр. 57, 59: **ǵem(ə)*). Не совсем ясно, почему автор всерьез обсуждает версию отглагольного происхождения и.-е. **pātēr* 'отец' <'genitor' (стр. 22—23). Одной параллели с и.-е. **mātēr* 'мать' достаточно для того, чтобы исключить такую мысль и констатировать производность от слов 'детской речи' **mā-*, **pa-*. Необходимо согласиться с тем очевидным обстоятельством, что более сложное и наделенное особенностями корневого имени образование **mātēr*, **pātēr* вторично по сравнению с простейшим **mā-*, **pa-*. Переход к таким специальным обозначениям, наверное, состоялся после перехода от полигамии к моногамии (терминология обычно фиксируется с опозданием перемены в мире реальных и реальных отношений). Специализация, вызванная необходимостью выделить 'своего' отца, в лингвистическом плане выразилась как нельзя более удачно с помощью пространственно-компаративного форманта *-ter-*. Поэтому мы не можем сочувствовать предположению автора о наличии тут особого слова и.-е. **tēr-* 'родственник'

(стр. 23). Странно, что автор, говоря о судьбе и.-е. **dhughetēr* в латинском, не учел остаток италийского **fug'tir* в оск. *fütir*. Утверждение, что «слово *bratъja* вообще не существовало в праславянском языке и было вновь образовано в старославянскую эпоху по образцу греч. *φρατρία* . . .» (стр. 34), мягко говоря рискованно, поскольку не принимает в расчет наличия параллельного *bratъja* (широко в народных славянских языках) в общем ряду параллельных образований от *bratъ* и *bratъ* с их дославянскими ещё истоками. Несходство значений *bratъja* и *φρατρία* (там же) лишь ослабляет мысль Шаура о греческом образце. На стр. 72 я с удивлением прочел, что «новую» этимологию слова цслав. *пастѣръкъ*, болг. *настрок* и т. д. из **pa-patōr* от и.-е. **patēr* 'отец' автору «сообщил Ш. Ондруш в письме». Точности ради напомним, что в моей «Истории славянских терминов родства» (М., 1959, стр. 53) говорится буквально следующее: «Этимологически прозрачно болг. *настрок* 'отчим' < **pōpatōr*».

Наиболее существенным вкладом автора в этимологию терминов родства является его толкование слов. *šurъ* 'брат жены, шурин' (стр. 65) не в связи с др.-инд. *syālā-h* то же или в целом от и.-е. **siū-* 'шить, связывать' (**siour-*), а в связи с чеш. *šurý* 'косой', 'кривой, непрямой', нареч. *šourem* (ст.-чеш. *šaurem*, XVI в.).

Из любопытных новинок этимологизации терминов родства последнего времени упомянем сближение лат. *nupta* и праслав. *nevěsta* у Ш. Ондруша, которое реферирует и автор на стр. 60: славянское слово при этом получает оригинальную реконструкцию *(*s*)*nevebhta* и соответствие в другом индоевропейском языке. Разумеется, всех формальных затруднений в этом по-прежнему трудном слове не снимает и эта новая этимология. Этого вопроса В. Шаур касается вскользь, впрочем, краткость и суммарность изложения вообще характерна для его книги, представляющей собой ряд очерков по выделенным наиболее важным вопросам, без равномерного обозрения всего материала, что делает необходимым при чтении свежей работы Шаура параллельное консультирование в работах его предшественников на ту же тему.

О. Н. Трубачев

W. B o r y ś.

Prefiksacja imienna w językach słowiańskich.

Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1975 (= «Monografie slawistyczne» 32)

Автор книги, уже известный ранее своими публикациями о древних моделях славянских именных префиксальных образований, главным образом в сербохорватском языке, предложил на этот раз вниманию читателей монографию, охватывающую материал всей собственно именной префиксации во всех славянских языках. Научная актуальность подобного исследования не требует доказательств, когда вопросы праславянской лексики и словообразования привлекают исследователей, к числу которых принадлежит и автор (в настоящее время В. Борысь — руководитель группы Праславянского словаря в Кракове). Не требует дальнейших разъяснений и практическая сложность осуществления этой задачи, поскольку речь идет о выделении пласта самобытных образований, связанных не всегда ясными отношениями с продуктивными моделями глагольной и глагольно-именной префиксации, а то и не связанных вовсе с этой последней словообразовательной категорией. Ярко именной характер образований, лексическая обособленность и даже ясность отдельных случаев выдвигает перед исследователем различные специфические проблемы, поскольку иногда приходится прибегать к этимологии, а иногда — покидать пределы апеллативной лексики и привлекать ономастику, в частности топонимию, в которой сохранились подчас уникальные примеры исследуемых образований, неизвестные среди нарицательных имен.

Во введении к работе дается обзор общей проблематики и состояния изучения вопроса в литературе с беглым перечнем самой литературы в подстрочных примечаниях. Раздел этот написан слишком суммарно и кратко, о чем стоит пожалеть, тем более, что как будто отдельные слова и образования, рассмотренные прежними исследователями, в собственной дальнейшей работе автора